

Подполковник Бедер: не путайте победобесие с уважением к настоящим фронтовикам

Григорий Бедер

«Нас использовали как затычку, бросая на самые опасные участки фронта», — говорит 97-летний уроженец Харькова, а ныне израильтянин Григорий Самуилович Бедер, вспоминая войну. Студент-первокурсник мединститута шесть раз был ранен, удостоился Ордена Красного Знамени (второго в иерархии военных наград), после войны стал известным врачом, автором многочисленных изобретений. В интервью «Хадашот» он вспоминает о военных буднях, мало напоминавших кадры из кинофильмов...

— Вы появились на свет в столице советской Украины — Харькове. Остались воспоминания из раннего детства?

— Родился я в старинной еврейской семье из Западной Белоруссии, судьба которой во многом типична. При выдаче первого свидетельства о рождении сотрудник ЗАГСа записал моё отчество как «Самойлович», лишь после войны я настоял, чтобы исправили на «Самуилович».

Своих дедушек и бабушек я не видел, но знаю, что с началом Первой мировой и выселением евреев из прифронтной полосы четверо членов нашей семьи иммигрировали в Новую Зеландию, трое отправились в европейскую часть России и в Украину. А самый младший сын бабушки, мой дядя Шабсе, остался дома. Когда он решил присоединиться в 1930-х к родственникам в СССР и нелегально перешел границу из Польши, то был арестован и расстрелян как «враг народа».

В годы НЭПа мы переехали в Москву, папа много работал, а я пошел в хорошую школу. Здесь же, в пионерлагере, впервые узнал о своем еврействе — в банный день малышам помогали пионервожатые и, когда очередь дошла до меня, одна из пионервожатых созвала подруг, которые очень внимательно меня рассматривали и шептались.

Относительное благополучие закончилось в 1933-м, когда к нам пришли с обыском. Мы еще не знали, что в каждом хорошем многоквартирном доме была бесплатная квартира для дворников (по совместительству, агентов госбезопасности). Хотя никакой крамолы не нашли, но папу арестовали и после пыток заставили отдать всё мало-мальски ценное. Его выслали из Москвы и запретили проживать ещё в семи центральных городах. Так мы всей семьей переехали в Курск, где ютились в полуподвале без всяких удобств.

С мамой, середина 1930-х

Кинотеатр №1, Курск, 1930-е. gorenka.org

В Курске я столкнулся уже с открытым антисемитизмом — во дворе, школе, в пионерском лагере, из которого сбежал... Юдофобией страдали и дети, и взрослые. По сей день помню, как учительница математики постоянно занижала мне оценки, но во время госэкзаменов попросила помочь одной отличнице.

Правда я себя в обиду не давал, занимался спортом, редактировал стенгазету, играл в драмкружке и начал писать стихи. Поэзия прошла через всю мою жизнь, с ней я воевал, работал, воспитывал детей, любил, горевал — поэзия меня держит.

— В Курский мединститут вы поступили перед самой войной...

— Да, но прослушал лишь две лекции, после чего нас отправили рыть противотанковые рвы. Потом была эвакуация в Казахстан в товарном вагоне, в котором раньше перевозили скот, работа в колхозе, где я собирал хлопок, косил, ухаживал за лошадьми, строил оросительный канал.

Повестку о мобилизации получил в Яны-Курганском военкомате, незадолго до этого папа умер от непосильного труда.

Был направлен в пехотное училище, которое так и не закончил, поскольку весь личный состав отправили на передовую. В начале 1943-го участвовал в Ростовской наступательной операции. Передвигались пешком, вместо воды нам выдали лёд в мешках, его везли под охраной отдельно и, когда нам выпадало охранять этот «груз», мы вспарывали мешки и грызли лёд...

Разрушенный железнодорожный мост в Ростове-на-Дону, 1943 год

В часть постоянно присылали пополнение, и не раз я был свидетелем очередного «спектакля» военно-полевого суда, который разыгрывался перед строем. Судили за дезертирство, членовредительство и даже за кражу буханки хлеба. Приговор был один — расстрел, который тут же приводили в исполнение.

Оружие мы несли на себе, а в составе минометного расчета приходилось нести треногу, плиту, ствол миномета, мне (как наводчику) еще и прицел, а также единственную винтовку на четверых и патроны к ней. В Элисту, стоявшую на нашем пути к Ростову, мы вошли ночью без боя.

— Как приняло местное население?

— Калмыки были крайне враждебно настроены. Дело в том, что они веками вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством. Животных кормили особым способом: в землю вбивался кол, а к нему привязывалась скотина. Таким образом, она съедала скудную растительность и одновременно удобряла почву. Каждый хозяин имел несколько голов скота. Советская власть загнала калмыков в колхозы и совхозы-гиганты, где огромные стада полностью истаптывали тонкий плодородный слой почвы, что вело к гибели скота и голоду населения. Немцы ликвидировали колхозы и совхозы, а скот раздали крестьянам. Поэтому возвращение Советов калмыки не приветствовали, нам не давали даже воды.

— Помните свой первый бой?

— Разумеется. Это было у села Будёновка, нам приказали идти в атаку по открытому полю. Миномет использовать мы не могли из-за отсутствия боеприпасов, комиссар полка отправил нас наступать с одной винтовкой, мол, возьмете оружие у раненых и убитых. Помню взрыв мины, убивший двух моих товарищей и комиссара. Я потерял сознание и через некоторое время был подобран бойцом нашего расчёта Вдовиным, который остановил двуколку, на которой связист вёз катушки с телефонными проводами, сбросил груз и велел вознице доставить меня в медпункт. Как только Вдовин скрылся из вида, связист извинился, снял меня с повозки и оставил лежать на снегу.

Григорий (справа) с боевым товарищем

В центре Элисты. Фото: kalmykonline.ru

Если бы наши тогда отступили, я замёрз бы, или попал в плен, или был добит немцами. Ночью нас всех, вместе с мертвым комиссаром, погрузили на сани и отвезли в одну из калмыцких хат на подступах к Будёновке. Занесли и уложили на полу. Хозяйка демонстративно нас игнорировала. Страдая от боли, голода, жажды и холода, мы просили её принести нам какой-то еды и воды в обмен на одежду, но бесполезно. Без медицинской помощи несколько раненых умерли, их трупы оставались лежать рядом с нами.

Только на четвёртые сутки прибыл офицер, который перевез нас на подводах в село и разместил в спортзале школы. В зале установили «буржуйку», а медсестру (наконец, появилась медсестра) снабдили перевязочным материалом и деревянными шинами. Медицинская помощь заключалась в смене бинта на ране, после того как повязка пропитывалась кровью. Наша импровизированная печка прогревала зал неравномерно. Каждый день кто-то из раненых просил перенести его поближе к теплу, где начинал перебирать документы, фотографии и письма, а затем умирал.

После первого боя я был ранен ещё пять раз, но ни разу не получал помощь от санитаров и санитарок, а добирался до полковых медпунктов сам. Ситуация в районе боевых действий не напоминала красивые кадры из кинофильмов.

— Фронтовики знают, что орден Красного Знамени (за особую храбрость и мужество), которого вы удостоены, вручали далеко не всем.

— Ну, это знают настоящие фронтовики, а не те, кто сейчас гордо шествует в «бессмертных полках», позвякивая юбилейными или, что хуже, купленными наградами. Мне горько говорить об этих «доблестных вояках» и праздниках победобесия, далеких от настоящего уважения к еще оставшимся фронтовикам.

Нас использовали как затычку, бросая на самые опасные участки фронта без всякой поддержки, просто в рамках отвлекающего маневра. Другими словами, посылали на верную гибель. И сколько осталось таких моих ровесников, самым «юным» из которых сегодня больше 95 лет?

Доктор Григорий Бедер

Фасад Курского мединститута

— Как сложилась ваша послевоенная судьба?

— После демобилизации в ноябре 1945 года я восстановился в Курском мединституте. Декан факультета никак не мог поверить, что я еврей-фронтовик, имеющий шесть ранений, и перед каждым семестром требовал соответствующую справку из военкомата. Институт я окончил с отличием, поэтому заведующий хирургической кафедрой хотел оставить меня в ординатуре, но помешала пятая графа.

Вскоре был опять призван, уже как офицер медицинской службы, и отправлен на Дальний Восток — начальником лазарета в полк морской авиации. Днем лечил, вечером дежурил на аэродроме. Характерно, что многих врачей-евреев в те годы из НИИ, клиник, больниц, как и меня, призывали и отправляли на Дальний Восток.

Демобилизовался я 1960-м в звании подполковника медицинской службы и вернулся в Курск. За плечами был огромный опыт работы и стажировка в Военно-медицинской академии. Каждый год в ЛОР-отделении городской больницы Курска я делал до 600 операций. Параллельно занимался научной и изобретательской деятельностью, а в 1967-м защитил кандидатскую диссертацию. Являюсь автором более 20-ти научных работ и 30-ти изобретений, одно из которых (специальная игла) позволяет проникать в лобные пазухи без операций. Этот щадящий метод до сих пор используется в медицине.

С женой Леей в Израиле

— В Израиль репатриировались, уже выйдя на пенсию?

— Да, в 1991 году — за годы жизни в Израиле собрал много материалов о фронтовиках, составив из них книгу «Память грозных лет». Мне очень повезло в жизни, поскольку рядом была моя Лея, с которой мы поженились еще на третьем курсе. Она ушла из жизни в декабре прошлого года — каждому отведен свой срок, как ни горько это сознавать.

А я продолжаю жить, хотя с 1942 года после тяжелого ранения в голову у меня так и остался осколок у основания черепа. Раньше он меня периодически беспокоил, но сегодня мы с ним, похоже, «договорились», и он успокоился. Возможно, оброс соединительной тканью и перестал шевелиться, другими словами, «устал». В отличие от меня.

Беседовал Анатолий Дермайнер,

собственный корреспондент «Хадашот» в Израиле

Фотографии любезно предоставлены Григорием Бедером